

*Тайный сад, потаённое место,
место встречи, желаний, разлук...
Тайный сад, означающий «вместо»,
означающий «поиски мук»...
Я крадусь, захожу, отдыхаю,
я над строчками думаю там,
сомневаюсь в себе, обижаюсь,
сокрушаюсь, винюсь и терзаюсь...
Возвращаюсь. Очищенный. К вам.*

ВГУ ПОЭТИЧЕСКИЙ

A handwritten signature in blue ink, appearing to read "В. Тулопов".

Владимир Тулопов

Майский сад

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

УДК 82-14
ББК 84 (2=411.2)6
Т82

Тулупов В. В.

Т82 Тайный сад : сборник стихотворений / В. В. Тулупов ; Воронежский государственный университет. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. — 180 с. — (ВГУ поэтический).
ISBN 978-5-9273-2949-6

Сборник стихов Владимира Тулупова «Тайный сад» включает в себя лирический дневник, произведения, посвященные родному университету, а также юмористический раздел.

Для широкого круга читателей.

УДК 82-14
ББК 84 (2=411.2)6

ISBN 978-5-9273-2949-6
© Тулупов В. В., 2020
© Воронежский государственный университет, 2020
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2020

НЕБРОСКАЯ ПОЛНОТА МИРА

«Тайным садом» по обыкновению называют то сокровенное место, в котором человек может обрести прежде потерянную гармонию, свой потерянный рай. Попав туда, он волен быть собой, не поддельваясь под окружающий мир, волен мечтать, не боясь осуждения. Тайный сад — это упорядоченное пространство, космос.

В стихотворениях В. Тулупова открываются все явленные смыслы. Ведь что такое, например, «лирический дневник»? Это пространство одиночества, уединения, отречения от суеты. И оно же — пространство оценки, решения, выбора. В какую бы сторону ни вела нас дорога жизни, кто бы ни встречался на ней, человеку самому определять: дружить или враждовать, радоваться или печалиться, созидать или разрушать...

И бывает так, что в начале жизни весна шепчет человеку:

...А вы решайте сами —
парить или опускаться вниз...

И подобная бескомпромиссность даже радует, ибо блажен тот, кто смолоду был молод!

А на склоне лет приходит другое:

...Было всегда так и, видимо, будет,
кто-то запомнит, а кто-то забудет...

Здесь уже о другом — об умудрённом существовании, об умении понимать сложность и неоднозначность нашего бытия. И ещё об умении не гнаться непременно за великим, потому что и в малом есть своя истина.

Как совместить одно с другим? Как разобраться в себе?

Уединиться в «тайном саду».

Вспоминается яркая, красного цвета иллюстрация в университетском «Дне поэзии» за 1977 год. Рабочий и колхозница на заднем плане, взметнувшиеся к небу новостройки, широкие улицы и бульвары, а в центре всего — новый человек, строитель нового мира. Иллюстрация замечательно отразила великий, революционный пафос преобразования мира. Автором её был двадцатидвухлетний Владимир Васильевич.

А уже в наши дни он напишет:

Простые истины и вещи,
простые запахи и звуки —
из них монтируется вечность,
хоть это и не по науке.

Простые!

При этом автор ни в коем случае не отрекается от минувшего! В сборнике есть замечательное стихотворение о шестидесятых и шестидесятниках. В ту далёкую эпоху, в другом государстве и в другой

общественной формации закладывалось что-то очень-очень важное для Человека (с большой буквы). Автор помнит об этом. В суете постмодернистского настоящего, конечно, многое высмеивается и теряется, однако если погрузиться в пространство своего Сада, то можно всё вспомнить, можно вспомнить это *важное*:

...Шестидесятые поющие,
негромко нас к себе зовущие.
По-прежнему животворящие,
нас берегущие, хранящие...

А как вспомнится, так и зазвучит вдруг сталью в стихотворении. Проявит себя бескомпромиссным словом. Безжалостным приговором:

Нет, не стучит и не бьёт в его сердце
пепел Одессы:
не христианином был, не иноверцем,
попросту — бесом...

Или же предстанет любовной песней родному журфаку. Выйдя из времени, в котором не стеснялись искренне говорить о любви, нынешний декан (серьёзная должность) рисует образы не абстрактной *alma mater*, а уютного и милого дома, в котором обнаруживаются и знаменитая 130-я аудитория со «сладчайшими» снами студентов на задних рядах, и уютные дворики в центре здания, которых не найти в других корпусах университета...

Даже «Вредные советы декана» ничуть не вредны. В них больше всего — именно доброты и лукавой улыбки.

И очень хорошо, что завершают этот лирический сборник «Почеркушки». В большинстве своём четверостишия, они — чистый дух «тайного сада». В них нет заботы о форме стиха, о его размере и тематике. Они — проживание и переживание. Они — космос, свидетельства обретенной внутренней гармонии автора и человека.

Время — это тоже родина, поколение моё.
Значит, времени угоден я, если жизнь оно даёт.
Было, стало, будет нашенским, с поражениями и без.
Ничего не приукрашиваем, — значит, был таков замес...

Они — квинтэссенция написанного:

А жизнь права: она всё расставляет
так, что жалеть не стоит... Никогда.
Но пусть мечта по-прежнему витает,
зовёт, летает...

*Дмитрий Чугунов,
член Союза писателей России,
университетский коллега автора*

I. Из лирического дневника

---

* * *

Годы летят, промелькнуло столетье,
что там столетье — тысячелетье!..
Новые мысли, новые дали,
мы незаметно новыми стали.
Хуже иль лучше — трудно ответить,
но перемены нельзя не заметить.
Старых друзей мы теряем в дороге,
новые люди стоят на пороге.
Кто вы? Поймем ли сегодня друг друга?
Другом ты станешь ли? Станешь подругой?
Прошлое мило, завтра — далёко,
нынче кому-то опять одиноко.
Было всегда так и, видимо, будет,
кто-то запомнит, а кто-то забудет...

2001

* * *

Осенняя гроза бывает редко:
она, сверкая, застаёт врасплох,
сбивает листья и ломает ветки —
и на мгновенье ты ослеп, оглох.

Ручьи несутся, очищая тропы,
и сразу вспоминаешь о весне,
когда ты ждал раскатов грома, глупый,
и мокрый брёл, свободный, как во сне.

Озон разлился, и дышать приятно,
и мир вокруг, очищенный, блестит.
Ступить не можешь — ноги будто ватные,
ты пьяно счастлив, и душа парит.

Что это было? Почему так сладко
и больно стало где-то там внутри?
Чуть тише, сердце!.. А рука, украдкой
капель холодную с ресниц и губ сотри...

2002

* * *

Весна проходит мимо нас,
да что проходит — пролетает,
сначала льдом и снегом тает,
потом сиренью отцветает,
и всё без нас, без нас, без нас...

Заглянет солнце в кабинет,
прогонит прочь седые тени...
В окно проникнет трель свирели,
но в этом мае и апреле
опять нас не было и нет...

Весна, похожая на жизнь,
природой связанная с нами,
нам шепчет юными устами:
«Пришла... А вы решайте сами —
парить или опускаться вниз...».

2003

* * *

Как хорошо спокойно жить,
спокойно есть, спокойно пить,
спокойно раненько вставать,
постель спокойно убирать,
сходить спокойно в туалет,
спокойно сделать марафет,
посуду грязную помыть,
на службу не спеша отбыть...
Спокойно отвечать жене,
поправить фото на стене,
спокойно просмотреть газеты,
по телевизору сюжеты —
спокойно, как и все, стареть.
К утру спокойно умереть...

2003

* * *

Тихо мимо городка
нас несёт река Ока —
теплоходик старенький,
не большой, не маленький.
Людом праздничным корма
перегружена весьма,
в голубой рубашке
там и я вчерашний...
Свадьба вышла на Оку,
внемлет радостно гудку —
разряжая скуку,
капитан дал звуку!
На хорошей на волне,
на серьёзной глубине
загорают рыбаки,
почитатели Оки.
На высоком берегу
храмы и лабазы,
мы Касимов на бегу
видели три раза:
после ливня тёплого
тротуары мокрые,
лужицы сверкают,
небо отражают.
Но покинув городок,
вырвались на волю:
обдувает ветерок —
мы бредём по полю...
В поле небо высоко —
посетили грёзы...
Нам покойно и легко,
так откуда ж слёзы?..

2003

* * *

Слышишь: ангел летит!
Слушай...
По твою и мою душу...
Сделал круг,
опустился на крышу
и опять поднялся...
Выше...

И оставил перо
из одежды.
Это — знак,
это символ надежды.
Пусть то пёрышко
и невесомо,
но оно не допустит
разлома...

2003

* * *

Увы, всё больше грустных дней:
сошлись в очередь потери...
Привыкли к смерти... В общем, к ней
все движемся — почти у двери...

На входе в мрачный гардероб
стоит суровый гардеробщик
и вынимает номерок,
и выдает... Никто не ропщет.

Раз так — не стоит торопить
судьбу, печалиться заране.
Раз так — мы будем просто жить!
Жить, избегая предсказаний!

2003

* * *

Кучугуры, Кучугуры,
кучевые облака...
Не скупяся, баба Шура
нацедила молока,
и внимательно смотрела,
грустно голову склоня,
и как будто бы жалела
эта бабушка меня:
«В городе таком огромном
парень сызмальства живёт,
но одет уж больно скромно —
видно, взяток не берёт...».
И вздыхала, провожая,
говорила, что сама
город тот не уважает,
хоть и в нем живёт кума:
«Фулоганов, бедокуров
расплодилось, просто страсть!..» —
очень рада баба Шура,
что в деревне родилась.

2004

* * *

Соберу нехитрую поклажу,
сделаю последние звонки,
споры на бегу ещё улажу —
и адью! «В дорогу, мужики!».
Окружная выведет на трассу,
буду с облегчением молчать,
про себя подумая: «Прекрасно —
за стеклом такая благодать!».
Впереди осины, как ресницы,
у притихших мартовских полей,
и дорога убегает, мчится,
и столбы мелькают всё быстрее...
Но куда торопишься, парнишка,
от чего и от кого бежишь?
Обожжёт предательски мыслишка:
«От себя!». Да разве убежишь?!
Всё равно: пусть — мнимая свобода,
пусть всего неделька впереди.
Отдохнуть! От шума, от народа...
Убегай, дороженька, беги!
Полечи, подруженька, туманом,
высокою неба полечи,
я послушным пациентом стану
(друг-водитель, милый, помолчи)...
Отлегло... Ну что ж, врубай приёмник,
новости ужасные включай:
вот ещё один шахид-покойник,
вот пришёл политик-негодяй,
вот опять реформа для народа
да других несчастий череда...
И со мной заплакала природа:
не удрать, не скрыться никуда...

2004

* * *

Небогатое наше детство —
чёрно-белое наше кино...
Тех, с кем жили мы по соседству,
разметало по свету давно.

Пожилые, молодые,
неродные и родные —
на Земле и в небесах
превратившиеся в прах.

И беспечная юность, и молодость,
те счастливые тёмные ночи —
когда в холод совсем не холодно
и не голодно, между прочим.

Пожилые, молодые,
неродные и родные —
на Земле и в небесах
нас тревожащие в снах.

На пороге маячит старость...
С нею спорим, и память детства
нам в подмогу. Она осталась —
нерастраченное наследство...

Пожилые, молодые,
неродные, но родные.
Вот и мы почти седые,
но живые, но живые!..

2004

* * *

Минуты затишья — покой иль тревога?..
О чём же молчишь ты, немая дорога,
О чём размышляешь, огнями мигая,
Забота тревожит иль дума какая?..

Зимою ворчлива, весной ты плачешь,
В июне-июле ты весело скачешь,
Лишь осенью хладной всегда молчалива —
Наверно, итожишь всё неторопливо...

2004

* * *

Что же в жизни нашей происходит —
видно, скорость века увлекла:
мимо главного порой проходим,
мимо вечного — дела, дела, дела...

Мимо, мимо города и страны...
На ковёр! И — схватка, и — туше!
Стало много на проспектах храмов,
мало храмов строится в душе...

2005

* * *

Сорок лет, сорок лет
как отца уже нет...
Сорок лет — это целая жизнь.
Сам полвека назад
появился на свет...
Полстолетья! Тревожная мысль...
Как тропинки зимой,
замело, замело
и глаза, и слова, и лицо —
я всё реже теперь вспоминаю его
и наш сад, и наш дом, и крыльцо...
Но тетрадки в линейку
обнаружились вдруг —
плод его беспокойных ночей,
и мне стало тепло:
я увидел, как внук
удалился в них, словно в музей...

2005

* * *

Простые истины и вещи,
    простые запахи и звуки —
из них монтируется вечность,
    хоть это и не по науке.
Глас воронья в сосновой роще
    (среди зданий сохранилась чудом!) —
сложнее кажется и проще вернуть,
    что прячется под спудом...
Как в детстве, заглядевшись в небо,
    представить яхту с парусами,
под перевёрнутой телегой
    травинки изучать часами,
смотреть на воду молча, долго,
    стеречь пугливых жеребят,
бродить как будто бы без толку
    в лугах в компании ребят,
ждать молока в холодной кринке,
    есть хлеб и яйца из печи...
Пастух и стадо на картинке — ни звука...
    Сколько ни кричи...

2005

* * *

Твоя поэзия, все говорят, грустна.
А я другой не верю и не знаю...
Но грусть всегда, мне кажется, светла —
тоска черна, она подводит к краю.

Грусть очищает, как ни странно, лечит
и даже новой силы придаёт.
Спасибо, грусть, — с тобою человечным
мир остаётся. И живёт, живёт...

И — здравствуй, грусть. Тебя я охраняю,
ты — берег мой и тайный образок.
И, всякий раз на время оставляя
тебя, я жду — раздастся вдруг звонок...

Точнее — зов, чуть слышный и печальный,
и вовсе не похожий на приказ,
но он звучит немым напоминаньем,
что жизнь одна — сегодня и сейчас...

2005

* * *

Одиноко страшно, страшно одиноко —
маленькое тело, смятая постель...
Человеку плохо, безысходно плохо —
некуда податься, хоть открыта дверь...
И, лицо уткнувши в белую подушку,
сам с собой несчастный говорит часами —
не пропустят стены скромной комнатухи
покаянной речи, обращённой к маме...

2005

* * *

Уходит человек, и часть любви уходит,
и этот скорбный плач, конечно же, о вас:
чем ближе были вы, тем искреннее слёзы,
но слово «навсегда» придёт не в этот раз.
Оно настигнет всех — так ясно и так грозно,
что хочется сказать заранее: удержись!
И — к каждому придёт. Да, рано или поздно.
Возможно, через год, возможно, через жизнь...

2005

* * *

Для России очередь, как для немца пиво:
мы рождались в очередь, строим в школу шли,
«Ах, дойдёт ли очередь, чтоб пожить красиво?» —
гарнитуры-стеночки до небес росли...
Очередь за хлебушком в «кукурузном времени»,
очередь за импортом, так сказать, «в застой»,
и машины в очередь, и квартиры бременем
неподъёмным кажутся: ведь не холостой...
И в больничку очередь, и в сберкассу очередь,
и на почте очередь — только бы успеть...
Где занять спокойствия, если льётся в очи речь,
в уши, в сердце, в голову, что и не стерпеть...
Очередь на транспорте, очередь за книгами —
наша жизнь талонная, ты почти прошла.
Клерками измучена, рожам и фигам,
наша жизнь глубинная, как же ты пошла...
За окошком времечко, говорят нам, новое,
говорят, изменится наш менталитет,
говорят, рождается общество здоровое,
говорят, что сбудется... Только веры нет.

2005

* * *

На века, навсегда виновата Россия,
что — по жизни, по сути — ты стала мессией,
что ты так необъятна — от края до края,
что ты так непокорна, такая-сякая...
Виновата Россия...

Ты позволь попенять: почему, дорогая,
только сердцем живёшь, в суть вещей не вникая?
Потому ль, что богата и очень красива,
к братьям, сестрам добра — никогда не спесива?
Виновата Россия...

Или русский — могучий, свободный — язык,
что освоил и принял душою калмык,
что звучит повсеместно от кирхи до хаты,
навсегда, на века без вины виноватый?
Виновата Россия?

2005

* * *

Вот слово «был» — глагол совсем обычный,
в прошедшем времени употреблѐн,
и вроде смысл несѐт в себе привычный:
мол, видел, знал, участвовал... Но в нём
всегда таится грусть, уже хозяйка — вечность,
что в памяти твоей разбудит иногда
родные голоса и переклик сердечный,
дороги и поля, чужие города...

2005

* * *

В бетонно-каменных темницах
что чаще человеку снится?
Вода, деревья, небо, птицы
и бег — из детства — колесницы...
Проснувшись, хочет вновь забыться
и в сон вторично погрузиться,
где отражением водица
играет, плещется, искрится.
Пьѐт и не может всё напиться...
Криница вечностью струится...

2005

* * *

Чем выше, тем меньше деталей —
растерян взыскующий взгляд...
Детали неважными стали —
их нам замечать не велят...

Чем дальше, тем меньше щербинок,
не видно ни рытвин, ни ям,
не видно соринок, морщинок,
оврагов и лысых полян...

Исчезли иссохшие речки,
пропали из виду дома,
что дымом чадящим из печек
сводили природу с ума...

Взлетели... И будней напасти
растаяли. Шар голубой
кружится...И мелкие страсти —
страстишки — исчезли... Домой?

«Домой!» — закричало сознание,
«Домой!» — застонала душа.
«Туда, к моему безобразью,
верните!» — рыдала, дрожа.

И трудно найти объяснение,
и трудно разумным понять,
как радостно хлябью осенней
идти и свободно дышать...

Я знаю, я вижу: из сора,
из пыли веков — бытия,
но вдруг нарождаются споры
и — шествует жизнь! Не моя...

2005

Шестидесятые

Шестидесятые далёкие —
такие книжные, глубокие.
Теперь я вижу — настоящие,
и потому к себе манящие.

Шестидесятые наивные —
ещё сугубо коллективные,
но вовсе пафосно не пошлые,
теперь записанные в прошлое...

Шестидесятые упрямые:
«Всегда вперёд и только прямо!», но
вовсе вы не чёрно-белые,
сентиментальные и смелые.

Шестидесятые поющие,
негромко нас к себе зовущие.
По-прежнему животворящие,
нас берегущие, хранящие...

2005

Из детства

Тонконогий и кудрявый
скачет полем жеребёнок,
видно, мнимая свобода
обуяла стригунка...
Но как будто вскрикнул: «Мама!» —
ведь ещё совсем ребёнок,
ведь ещё не знает воли,
ведь молочный он пока...
Постоял малыш и круто повернул —
тропинка к дому,
к яслям, к сену, к глыбе соли
потянулась, и опять
рядом с красной кобылицей
по дороге по-над Доном
он гарцует, наш беспечный —
разве можно устоять?..
Разве можно быть спокойным,
если запахом польни
и волнением ковыльным
переполнен?! И кнута
тот малыш ещё не знает...
Ни тревоги, ни унынья,
ни поводьев, ни уздечки,
ни седла, ни хомута...

2005

Я вернулся в свой город...

Я вернулся в свой город, но он не знаком...
Он не хуже — значительно лучше,
но повеяло вдруг на меня холодком —
город мой показался беззвучным...
Город мой, город мой, почему ты немой?
Почему мы друг другу не рады?
Может быть, потому, что ты стал дорогой:
украшают тебя эстакады
и гиганты-дома, и билборды реклам,
и авто на шикарных развязках?
Поделён ты во мне навсегда пополам:
Старый — Новый, в неоновых красках.
Ты сегодня, увы, не со мной говоришь
и иные ведёшь диалоги,
ты всё больше похож на Берлин иль Париж —
вид вполне европейский, по моде.
Но я так не хочу отдавать, отпускать
тот — из памяти: тихий, нескладный.
Ты позволишь тебя иногда вспоминать
деревянным и низеньким, ладно?..

2005

У книжного шкафа

Стоят на полках книги, стоят спокойно в ряд,
под кожей обложек так многое таят...
Впитав в страницы время и личности творцов,
несут в себе ошибки и опыты отцов,
нешуточные страсти нешуточных времён —
трагедиями, драмами мой шкаф обременён...
Как в комнате огромной, расселись тут и там
Великий Дант и Пушкин, Дефо и Мопассан,
Распутин и Думбадзе, Авижюс и Белов,
Айтматов, Сулейменов, Владимир Соколов...
Ведут беседу мирно на разных языках
француз и англичанин, литовец и казах,
шестнадцатый, двадцатый и двадцать первый век...
Вот — главное богатство, не правда ль, человек?..
Весь мир разнообразный на полках расселён —
не белый и не красный, а многоцветный он.

2005

* * *

Человек не флейта, он сложнее
(и на флейте сразу не сыграть)...
Глупо думать: мол, смогу, сумею
укротить, упестать, навязать...
Человек не флейта... Его тему,
уникальный музыкальный ряд,
его жизни сложной теорему
не решить... И даже наугад.

2005

* * *

Мы вышли из воды, мы, в общем, водяные:
ведь в целом из неё составлен организм...
Все люди на земле, все (толстые, худые) —
причастные к воде. Такой анахронизм...
Наверно, потому влекут нас водоёмы,
у каждого из нас есть главная река —
будь пресною вода и будь она солёной,
будь мелкая она и буде глубока...
Шугуровка, Уфа — Уфимка в просторечье —
и Белая (она зовется Агидель),
и Дёма, как коса, укутавшая плечи
холмистых берегов, — сплошная канитель...
Я помню шумных брызг и глаз твоих сиянье,
хотя уже тому сорокалетний срок,
в том месте, где давно назначили свиданье
коричневый Сургут и изумрудный Сок.
Мне помнится прилив в подлунном Чёрном море,
и Средиземноморья вальжная волна,
азовских чаек крик на голубом просторе,
балтийский холодок... Насытился сполна.
Но всё же теплота российских малых речек
и ласковый охват их добрых, чистых струй
напоминает мне о времени беспечном
и дарит, как во сне, тот первый поцелуй...

2006

* * *

«Атмосферные явления» —
    что за скучное название?!.
Разве можно обозначить
    так седеющий туман,
опустившийся на город,
    ещё спящий утром ранним,
облаков чудообразных
    невесомый караван?..
Абрикосовое небо,
    изумрудные дождевики,
лепестков весенних клейких
    беззащитность и наив,
хрупкость жизни и ранимость
    у мерцающей снежинки
и пугливой малой речки
    прихотливейший извив...
Это всё она — природа,
    по-научному — натура,
это всё она коддует
    и травую шелестит...
Да, конечно, «гео», «био»,
    и система, и структура...
Только сердце почему-то,
    сердце бедное грустит...

2006

* * *

В марте поздняя зима — разведённая жена:
ведь как будто бы ушла, а злитесь...
Решено, пожалуй, всё, но, сварливая она,
и скандалит, и всю бранится...
Был желанным первый снег,
    был он в радость, но теперь —
надоела канитель-морока...
А упрямая метель занесла входную дверь —
не пробиться, не уйти до срока...

2006

Весна на Неве

Ледоход на Неве, ветер гонит с моста,
а вокруг знаменитые зданья,
а вокруг удивившие в детстве места
и зовущие вечно к свиданью.
Вот и свиделись, вот и рука в руке,
и в груди, как всегда, волненье —
так в письме торопливом: строка к строке,
а меж ними живёт сомненье...
По-весеннему шпиль засверкал, заблестал,
дав забыть, что венчает темницу,
он ведь тоже, наверно, чертовски устал —
столько видел, что нынче не спится...
Было — стало... А завтра? Что в будущем ждёт?
Перестук каблуков убегающий...
А дорога молчит, а дорога ведёт...
Город смотрит на лёд умирающий.

2006

* * *

Уходит женщина в туман и в ночь уходит,
уходит в дождь... Совсем одна она уходит...
Уносит боль, уносит грусть, себя уносит...
И уходя, и уходя, покоя просит.
Но этот дождь, но этот дождь подобен грусти,
и он опять её вернёт, он не отпустит —
он с ночью в сговоре сейчас, как и с туманом,
он будто вправду говорит и шепчет: «Рано!
Ещё не время тосковать, когда вас двое...
Ещё не время... Обернись: ведь он с тобою!».

2006

* * *

Тихо, тише, ещё тише —
я прислушаюсь к себе,
чтобы главное услышать,
чтобы рассказать тебе...
О рождении и смерти,
о тумане и воде,
о дыхании и ветре
рассказать хочу тебе.
О желании и мести,
о сгорающей звезде,
о свиданиях и лести
нынче напишу тебе.
О секундах и о вечном,
о тревоге и беде,
о простом, о человеческом
стану плакаться тебе...

2006

«Шербурские зонтики»

В центре города Воронежа,
рядом с площадью вождя
временем треклятым нонешним
и под струями дождя
мужичок сидит на ящичке —
капюшон, в руках баян,
из под плащика рубашечка,
выбрит и совсем не пьян...
Слышу «Шербурские зонтики» —
чисто, грамотно ведёт.
А народ в осенних ботиках
озабоченный бредёт,
а вокруг киоски шумные —
городская суета,
люди глупые и умные —
кто с зонтом, кто без зонта...
Огибают музыканта,
молча с сумками бегут —
на народного таланта
нету слушателей тут...
И летит мотив французский
от витрины «Утюжка»
в городе типично русском
и для русского ушка.
Так, возможно, в сорок пятом —
в двадцать с малым поседел,
Инвалид, войной помятый,
здесь с гармошечкой сидел.
Может быть, «Землянку» пел он
иль про хату и врагов —

в двадцать с малым поседелый,
    к жизни мирной не готов...
Может, батька баяниста,
    что на ящичке сидит,
или даже дед артиста —
    с жёлтой карточки глядит...
Сколько песен прозвучало,
    время выдало итог,
но не мнилось, не гадалось:
    будет времечко не то...
Филармония направо,
    а налево — Опера...
Как-то грустно, братцы, право,
    за такие номера...

2006

* * *

Обходите всех недобрых, обходите,
им в глаза неосторожно не глядите.
Не давайтесь мизантропам, не давайтесь,
опасайтесь мизантропов, охраняйтесь.
В полумраке затаились — света ищут,
луч пробьётся — тотчас яростно засвищут,
затопчут и ехидно засмеются,
энергетикой, как пьяницы, напьются.
Простодушный сядет тихий, обессилен,
будто долго и жестоко его били.
Обходите всех недобрых, опасайтесь,
обходите мизантропов. Охраняйтесь!

2007

* * *

Смутная тревога —
на день иль навек?
Мало или много
значит человек?
Что в сухом остатке
оставляет жизнь?
Это же не в прятки —
мол, найду, держись!
И далёкий финиш
не желай прозреть —
ненароком сгинешь,
перестанешь петь.
А душа кочует,
неспокойно ей...
Где она ночует?
Там, где ей родней.
И не дай-то Боже
пристани лишить —
без неё не сможет
беспокойный жить.

2007

На веранде

За столом семья сидела:
папа, мама, сёстры...
Тёплый разговор, без дела —
мы общались просто.
Самовар блестел под лампой,
осы мёд вкушали,
мама — словно перед рампой
в разноцветной шали...
За окном наш сад вечерний:
яблони-ранетки,
у ворот мой сторож верный —
Шарик-однолетка.
Дождь уютно дополнял
тихую беседу...
Я во сне себе сказал:
«В прошлое уеду...».
Но поэт ведь неспроста
написал когда-то,
что нам в старые места
нет, увы, возврата...

2008

Вспоминая Высоцкого

Он в купе ворвался — как в атаку:
был уже на взводе... Раздеваясь,
вёл себя привычно хамовато,
панибратски, лихо, не стесняясь

трёх других попутчиков... И сразу
курицу достал, стакан дорожный,
предложил: «Добьём её, заразу?»,
водку расплескав неосторожно...

И, отказ приняв без сожаленья,
выпил сам и с молодым напором
птицу вмиг умял до отравленья,
и уже готов был к разговору...

«Кто служил? Понятно... На гражданке
прозябаете... А мы в горячих точках,
мы за вас... в окопе... и на танке...
Мы насквозь вас видим, знаем точно,

кто есть кто...». И вскоре выбрав ложе,
насладившись безответной ссорой,
захрапел... Как видно всё же, всё же
стал тот пьяный капитан майором...

2008

Старый дом

Вот дом, построенный давно,
добротно, по тогдашней моде —
в нём до сих пор ещё тепло
при самой пасмурной погоде.
Так много разных глаз и лиц
мелькало в этих старых окнах,
так много радостных страниц
запечатлели эти стёкла...
Но и болел наш добрый дом,
о чём напоминают щели —
как знак прошедших похорон
под звук тоскующей метели.
Годами вечная вода
подтачивала его силы,
и ветер сильный иногда
на крепость проверял стропила.
Иная музыка теперь
звучит в квартирах — стало тише:
не хлопает в парадной дверь
и громких криков не услышишь...

2008

* * *

Люди, книги, фильмы, песни —
паутина нашей жизни...
Жили-были врозь и вместе
на крестинах и на тризне,
на страницах, на экране,
в самолёте и в трамвае —
на одном меридиане
и в совпавшем интервале.
Промелькнули, отразились,
сохранились в отпечатках,
улетели, приземлились
и смешались в беспорядке.
Только изредка напомним
словом, запахом и нотой,
фотокарточкой альбомной
кто-то близкий, близкий кто-то...

2009

Шукшин и Высоцкий

Как будто знали о конце —
и торопились, торопились...
И все страданья на лице
мужском — мужицком — отразились.
И скорбь в глазах их, и печаль
не только о себе — о людях:
как будто знания печать о том,
какими вскоре будем...
Кто и когда им дал совет
быть представителем народа
и за других держать ответ —
за умника и за урода?
И нервы рвать, и заливать
обиды наши горьким зельем,
и продолжать, и продолжать
в себя единственного верить?
Пускай — гордыня, даже пусть
переоценка личной меры...
Но ведь слова живут! А грусть —
лишь тень их безответной веры.

2009

* * *

Куст сирени уже не расцвечен,
истончается запах весны —
всё не вечно, и знаю, не вечен
человеческий век. Только сны
возвращают знакомые лица —
они молча и строго глядят.
Хотя встреча уж не состоится,
так зачем же, зачем бережат
память бедную, бедную душу?..
Объясниться ж не сможем теперь!
Только глухо доносится: «Слу-у-шай...»
...Продолжается время потерь.

2009

* * *

В квартире выше бьют часы
торжественно и ежечасно,
такие вечные весы
для времени... Они бесстрастны,
они фиксируют итог
разумный и непродуктивный:
что получилось, что не смог
достичь в сей век оперативный...
В квартире выше бьют часы,
в ночи так слышные неспящим,
а кто-то тихо смотрит сны,
готовясь к встрече с настоящим...

2009

* * *

В небогатом доме телевизор «Спутник»,
чёрно-белый спутник детства моего,
и мечтаний дерзких, и желаний смутных
очевидец тайный... Только и всего?

Нет же, этот милый старый аппаратик
был не просто «ящик» — настоящий друг,
в дом ко мне пришедший вовремя и кстати,
он — учитель первый жизненных наук.

Журавли летели, плыл кораблик алый,
черноморский ветер обжигал лицо,
в дальнюю дорогу собираться звал он,
чтобы я не мешкал — вышел на крыльцо,

затворил калитку, обернулся к дому,
помахал рукою матушке своей.
Впереди — дорога: пади, буреломы,
но в какой-то точке счастье есть на ней.

И иду я к этой неизвестной цели
целых сорок вёсен, целых сорок зим —
застигали штормы, попадались мели,
но в дороге этой, к счастью, не один...

2009

* * *

Тоскуют русские без снега,
скучают по зиме крутой:
всё чаще смотрят люди в небо,
ворчат, беседа с собой...
Что нам тепло? Нам свой порядок
в природе важен и в душе —
буран приятен, ветер сладок:
«Пора морозу быть уже!..».
Блестят глаза и в розах щёки,
истома в теле за чайком —
какие жизненные соки
зима дарует! Босиком
пройтись по половицам тёплым
и этот холод поругать,
с остатку вышить, после плотно
в уютной кухне порубать,
с женою обсудить погоду,
полобоваться из окна
на снег, который ждешь полгода...
Россия — зимняя страна!

2009

Маме

...Тот дом уютный в тихом переулке,
тот сад, ухоженный заботливой рукой,
и вечерами голос вахты гулкий,
что на крылечке слушали с тобой.

...Посёлок тихий: старики и дети,
конюшня, огороды, родники —
простор приволжский и далёк, и светел,
а за лесами — город у реки.

И пахнет кожей хомутов, и дёгтем,
и табаком сигарок из газет,
и земляникой, и травой мокрой,
и сладким мёдом наших детских лет.

Там Пасха светлая, и утро с куличами,
и радость встречи с близкою роднёй,
там дом — и счастье, и свидетель драмы —
наш Дом, построенный руками мамы,
и сохранённый мамою покой.

2010

* * *

О чём молчал мой старьй дед,
когда мы с ним дрова пилили,
когда пасли с утра овец,
когда траву в логу косили?..

Мне было лишь тринадцать лет —
в деревню я приехал в гости
и думал, что сердит мой дед.
За что — не знал... А дома после

у мамы спрашивал, на что
сердит он так, сопит сурово...
«Сынок, ты говоришь не то —
забот невпроворот... Эх, Вова,

когда б ты знал, как нелегка
жизнь у крестьян...». Лишь много позже
я всё же понял старика,
молчавшего в дубовой роще.

Там, за спиною, — две войны,
детей семь душ, весь век двадцатый...
Семья и дом сохранены,
но жизнь прошла... Кто виноватый,

что небогат крестьянский двор,
что кровля снова обветшала?..
«Подай-ка, мне, внучок, топор...» —
и роща гулом отозвалась...

2010

* * *

Мне десять лет, недавно умер папа,
и воет-плачет наш любимый пёс,
доверчиво мне подававший лапу...
Он горя к нам пришедшего не снёс:
не ел, грустил и вскоре запаршивел,
и умер зимней ночью у крыльца.
И я повёз на саночках к могиле
последнего товарища отца.

2010

* * *

Друзья ушли. Другие не пришли.
Не получилось. Или не желалось.
Дома, в которых жили и росли,
и их тропинки — вот, что мне осталось...
Давно погас в их окнах белый свет,
других людей скрывают эти стены.
Не возратить волнующих бесед
на самые волнующие темы...
По их дорогам новые идут
троллейбусы, автобусы (трамвая
теперь уж нет), и сдачи не дадут
кондукторы, маршруты называя...

2010

* * *

Юрию Левитанскому

...но вот стихи,
и чтобы ясно было,
что это настоящие стихи,
я вам скажу:
в них время не застыло —
оно живёт,
хоть и слова тихи.
Слова просты, но и волшебны,
право...
И после них в груди так горячо,
и рифмы тут как будто
ни при чём —
здесь речь о жизни.
Речь о жизни...
Браво!

2011

* * *

Как память избирательна: увы,
забыто многое, что надо бы запомнить,
и в то же время ясно видим мы
иное, что хотелось бы не помнить.

Лишь клетки детской памяти живучи:
в них запахи и состоянье дней
так яркие и так сладостно пахучи,
что самой точной записи верней.

2011

* * *

Такая тихая зима...
Такие мягкие снега...
Такое мирное молчанье...
Шагов по тропочке ворчанье...
Озябшей птахи перелёт...
Незримый под ногами лёд...
И звуки дальние авто...
В то утро, в то мгновенье, в то...

2011

* * *

Голова, опущенная долу,
мысли от забот идут вразброд...
Только что это?! Пригорок — голый!
Снег сошёл!.. Когда сошёл, народ?
Оглянулся — где-то даже травка
зеленеет... Слышу — засвистел
птах весенний в маленькой дубравке
меж домов многоэтажных... Ах, пострел!
Покажись, не прячься, а порадуй,
разбуди ещё смотрящих сны,
своим пением смягчи досаду,
вестник неожиданной Весны...

2011

* * *

Пейзаж, который с детских лет
нас окружает — это поле,
и эта речка, этот лес, —
наверно, снятся и в неволе,
и в дни счастливые побед...
И каждый раз — когда так нужно,
чтоб заслонили нас от бед,
чтоб напоили полной кружкой.
Возможно, дальний небосвод
с дорогой торной, многодневной,
таким и сделали народ,
чуть-чуть мечтательным, душевным...

2011

* * *

За монитором цельный мир —
как космос: логика и хаос...
Экран — и лекарь, и вампир,
и нехватность он, и малость.
Как просто: руку протяни,
глаз наостри, и ты — у цели
через секунды, раз-два-три...
Ведь мы же этого хотели?
Струит покорный нам эфир
слова, картины и движенье —
и низкое, и духа пир
предложены для постиженья...
Что ж, от щедрот и от богатств
неколебимы и в ненастье?..
Но кто ж, скажите, виноват
в том одиночества несчастье?..

2011

* * *

Когда зима нас утомит
позёмкой, холодом, бураном,
весны благословенной вид
рисуем и зовём. Но рано...
Ещё упрямая зима
сварливо нам бросает в очи
охапки снега — знать, сама
из жизни уходить не хочет.
Весною талая вода
поднимет реки и затопит
дороги, сёла, города,
но и весна свой век торопит:
ведь солнце каждый день твердит,
мол, погоди, наступит лето —
и шмель мохнатый прогудит
тепла начало... Будет это:
купанье, ягоды, грибы,
роса на зелени могучей,
в ногах усталость от ходьбы
по перелескам и по кручам.
...Но сердце скоро станет ждать
осенней грусти и печали —
и в этом жизни благодать:
в конце — как будто бы в начале...

2011

* * *

Четыре времени у нас
контрастно ярки и красивы:
и душу радуют, и глаз —
у каждого свои мотивы...
Не в том ли главное, что мы
разнообразим ожиданьем
и чувства наши, и умы,
вторым подаренным дыханьем?..

2011

* * *

По просохшим тропинкам памяти
я пойду напрямиком в Вербохлѣст
и увижу там грядочки мамины...
У забора доска внахлѣст...
Посижу на крыльце высоком
под невидимых птиц шумок,
распустившейся вербы локон
теребя... От костра дымок
поднимается ввысь, зелёный —
мокрых веток лишь слышен всхлип —
между яблонь стволов белёных
под колодезной ручки скрип...

2011

* * *

Бежим, торопимся — вспотели,
поговорили — полетели...
Мелькают станции и лица,
местечки, городки, столицы...
А что же жизнь? Где жизнь? Она —
в мгновеньях радостных итога,
она становится полна
по достижении порога.
Тогда, возможно, перед сном
или проснувшись среди ночи,
себе ты скажешь: «Всё путём» —
и утра нового захочешь.

2011

* * *

...А что же счастье? Где оно?
Что называть мы можем счастьем?
То, что мелькнуло и прошло?
Что есть, но минет в одночасье?..
Напомнил запах что-то вам,
да так, что защемило сердце —
так было это счастье там
или теперь проникло в дверцу?..
Воспоминание, мгновенье —
вот счастье? Счастье лишь мираж?
Такой же яркий, как витраж,
светящийся на отдаленье?..

2011

* * *

Этот вечер в Уфе,
тёплый вечер из детства —
так покойно мальцу:
на душе благодать.
И сегодня во сне —
родовое наследство —
увлекаюсь весной,
чтоб по новой начать.
Потому что она
вновь вселяет надежду —
кровь бурлит, как ручей,
в горле птицы поют...
И в тебе столько сил:
ты как будто бы прежний,
и тебе шестьдесят
ни за что не дают...

2011

* * *

*Вслед за Булатом Окуджавой
и Юрием Визбором,
Евгением Клячкиным
и Виктором Берковским
Юрий Кукин ушел
в свой последний рейс,
из которого не возвращаются...*

Наверно, в воздухе витало,
наверное, пришла пора —
страна в ту пору так устала,
отвоевала, отрыдала,
что вдруг запела как могла.

Страна забредила туманом,
дождями, запахом тайги
и ветра вольного дурманом —
страна вдруг стала меломаном,
надев в дорогу сапоги...

И вот теперь они уходят,
теперь уж точно навсегда...
Но кто-то песенку заводит —
она как будто с губ не сходит,
опять не сходит — как тогда.

И высятся в тумане горы,
и вьётся дым от сигарет,
и разговоры, разговоры,
и до утра, до крика споры...
Да только спорщиков уж нет...

2011

* * *

Почти забыли человека:
невнятно вспомнили, а он
кумиром был лишь четверть века
назад... Таков, увы, закон
текучей жизни, невозвратной,
и вспоминаются не те,
кто жил неброско, аккуратно,
держал чью руку в темноте...

2011

Зальцбург и Моцарт

Зальцбург, Моцарт, буква «ц» —
будто цокают копытца...
И — улыбка на лице,
и — желание забыться...
Моцарт Вольфганг Амадей —
в бюстиках и барельефах —
стал ли он для всех родней,
стала ль музыка утехой?..
Зальцбург Моцартом живёт,
Зальцбург Моцарта поёт,
Зальцбург Моцарта рифмует,
Зальцбург Моцартом торгует... —
любит из последних сил.
Моцарт Зальцбург не любил...

2011

* * *

Воронеж. Осень. Будний день.
И солнце — яркое, как лампа
дневного света. Светотень
дрожит — природа как у рампы:
бордово-рыже-красный фон
для жёлтых и зелёных листьев,
стволов корявых, броских крон
берёз, каштанов, клёнов... Вышли
они на сцену перед тем,
как белый занавес накроет —
и прихотливость мизансцен,
судеб ушедших тайны скроет...

2011

* * *

Как же ты, осень, красива,
как же ты, осень, мудра —
в парках, в лесах молчаливо
ночь ожидаешь с утра...
Краски твои прихотливы,
каждый наряд как итог
жизни, увы, суетливой,
жизни как будто не той...

2011

* * *

Наверно, недаром зовут бабьим летом
спокойное время осенней поры,
когда и тепло, и красиво... При этом
и вкусно! Природа дары
свои приготовила... Щедрым застольем
повсюду встречают и песни поют,
гостей удивляют российским раздольем,
в момент создавая домашний уют...

2011

* * *

Свобода — привилегия немногих.
Что это: аксиома, парадокс?
Ведь будь она у сытых и убогих,
вы представляете, какой начнётся бокс?..
Но мысль, конечно же, сложнее и тоньше:
когда рекомендуется для всех
свобода, то её не станет больше —
внедрять свободу трудно без помех...

2011

* * *

Ненадёжность вражды —
да, мне близко такое понятие:
не хочу и не буду
заранее клясть и громить,
потому что народ —
это, в сущности, сёстры и братья.
С ортодоксами трудно
(подчас и опасно!) нам жить...

2011

Пусть говорят?

Кричит и корчится страна
бесстыдно, хамски, не стесняясь —
как будто вывернуть до дна
себя стремится... Опасаюсь,
что в красной ранее стране
никто теперь не покраснеет
и дать отпора сатане,
увы, никто уж не посмеет...

2011

Другу

...Услышать свист твой у общаги,
сбежать по-быстрому во двор,
гулять...

Нет, не здоровья ради,
а чтоб продолжить разговор...
Конструктивисты, журналисты,
литература и семья...

Да, обязательно — артисты:
ведь ты ж артист. И помню я
твой щедрый смех в ответ на шутку
или на свежий анекдот...

Увидеться б хоть на минутку —
прожить бы всё наоборот:
не обижать, не обижаться,
ценить общенья каждый миг
и чаще видеться стараться,
встречая радостным: «Старик!»...

2012

* * *

Весенний дождь, весенний шум,
блестит асфальт, смеются люди...
Смеялась молодость — и ум,
и память это не забудет.
Беспечный май, беспечный ты:
всё впереди, и день так долог,
и радостно от колготы,
от песенки «Крепись, геолог!»...
Но век упруго проскакал,
лишь облако оставив пыли, —
и вот уже ты аксакал,
и многих нет, что рядом были...

2012

* * *

Бывали хуже времена?
Бывали времена подлее?
Возможно, так, но мысль одна —
что не было времён пошлее —
не оставляет нынче нас:
и молодых, а больше — старых...
Гарцует пошлость без прикрас —
и знаете ль страшнее кару,
чем раздевание «звезды»,
чем обнаженье ради денег?..
И вновь «доходят до руды»
они в бесстыдных откровеньях...

2012

* * *

Шумят, орут, вопят, кричат —
как вороны на пепелище...
И злобою глаза горят,
и соловей-разбойник свищет...
Свою рубаху рвёт плебей —
так потешает он элиту...
Пока хихикает злодей,
но вряд ли будет им забыто,
как барин на него смотрел
и унижал словами, жестом...
«Ты, барин, этого хотел,
ты, милай, звал меня к протесту?
Сарынь на кичку — я готов!
И мне теперь не до разбору,
как много полетит голов —
твоя же первой будет впору!..».

2012

* * *

Поздний снег —
февральский,
липкий —
в сумерках пуржит,
пуржит...
Как от звука
грустной скрипки,
мою голову кружит...
Будто грусть
с небес слетает,
сердце шепчет:
по... го... ди...
Но снежок последний тает,
улетает,
исчезает...
Что же всех нас
ожидает,
что случится
впереди?..

2012

* * *

...Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить.
Лёгкой жизни я просил у Бога,
Лёгкой смерти надо бы просить.

Иван Тхоржевский

Эту тему никогда не трогал,
но строка не хочет уходить:
«Легкой жизни я просил у Бога,
легкой смерти надо бы просить...».
Был он болен или просто в страхе
пред грядущим это написал?
Пребывая в невозвратном крахе
иль предвидя горестный финал?
Мы не знаем, но строка живая
нам напоминает и о нём.
Нам писал он, угасая, тая, —
вспомним же поэта. Помянём...

2012

* * *

Белеют лодки Балаклавы,
чернеют остовы столбцов —
былой пропитанные славой,
ждут лодки опытных гребцов.
Мыс Айя вдалеке синее,
сверкает голубой залив,
и флаг иной над бухтой реет —
желтеет... Красный флаг сменив...

2012

* * *

...Зайти в парную после душа,
на полке верхней цепенеть,
трёп мужиков с улыбкой слушать,
до пятен кожу всю прогреть,
затем и с кряканьем, и с охом
в бассейн холоднющий нырнуть,
чтоб с прибауткой скомороха
оттуда — пулей... Отдохнуть
на продуваемой веранде,
газету из Москвы прочесть
и, не поверив пропаганде,
умыться снова — время есть
и есть прекраснейшее средство:
дубовый веник выбьет вмиг —
пустоты, грубости и бредни...
Суббота чистая, старик!

2012

Зарисовка

Прага — шкатулочный град,
шелест листвы каштанов,
шорох штор, счастливый взгляд,
шепот волны Влтавы...
Шуршат по шоссе шины
чешской машины «Шкоды»...
Как в банке горошин —
на Карловом мосту народа...

2012

Ветерок

В середине города,
в середине дня
ветерок залётный
вдруг застал меня,
охватив за плечи,
память освежил:
и я вспомнил время —
то, в котором жил...
Сладкая тревога —
запах от дождя...
И побрёл с улыбкой,
дух переведа...

2012

Медаль

Скромная отцовская медаль
с профилем ушедшего вождя...
Пробегая временную даль,
вижу шестилетнего себя.
Отшумела, кажется, война,
но о ней — и песни, и стихи,
но везде ещё живёт она,
но ещё видны её штрихи...
Гимнастёрка, фронтовой ремень,
фотки чёрно-белые висят,
за победу наливают всклень,
за друзей пьют стоя и молчат...
За медалью скромною — судьба,
сорок первый, сорок пятый год,
и стрельба, стрельба, стрельба, стрельба...
И с несчастьем свыкшийся народ.

2012

* * *

«Наследник всех моих богатств!» —
отец так говорил.
Ходил тогда я в первый класс
иль в третий... Уж забыл.
Но вижу: он стоит в дверях —
веселый и хмельной,
и верит: в сыне, в дочерях
талант есть козырной.
Сребра и злата не нажил
(не в этом интерес) —
судьбе бедовой отслужил,
идя наперерез...

2012

* * *

...И вижу я вечерний сад
и маму у ворот —
домашний вроде бы наряд,
но маме так идёт...
Бывает: вроде из простых,
но — царственная статья:
ни жестов и ни слов пустых —
достоинейшая мать.
Есть уважение к себе
и есть приязнь к другим,
есть уважение к семье,
к знакомым и родным.
Ты честно, мама, прожила
свой беспокойный век,
и ты любимую была,
родной наш человек.

2012

Грачи прилетят

Великий художник Саврасов,
могучий сварливый старик,
с утра поправлялся не квасом —
он к водочке русской привык...
Стоит на известной картине
замёрзший ничтожнейший бомж —
который в низжайшей низине,
с которого что уж возьмёшь...
Но дали б ему вы палитру,
холста, колонковую кисть —
быть может, забыл о поллитре,
глаза б его, может, зажглись...
А вывели б старого в поле
и дали б вдохнуть от души,
забыть о подённой неволе —
увидели б, как хороши
и как экономны движенья
умелых мозолистых рук!
Ведь с ветром пришло б вдохновенье
и всё изменилось бы вдруг:
смотри, как художник Саврасов,
презрев полотна белизну,
путём нанесения красок
творит и торопит Весну!

2012

«Я люблю тебя, жизнь!..»

Военный госпиталь под Рузой:
фойе, паркет, аккордеон,
шары гоняют парни в лузы,
поют девицы в унисон...
И эту песню — хором, дружно
(в секунды спелся коллектив) —
вели душевно, ненатурно:
слова знакомы и мотив...
Никто из тех, кто пел у стенки,
не знал, что в этот самый миг
в столице умирал Ваншенкин —
той песни автор, фронтовик...

17 декабря 2012

* * *

Мы квасим с мамою капусту...
Лежат умытые вилки,
морковка, тмин — всё на закуску
пойдёт в весёлые деньки.
Уютно в нашем доме, осень
вовсю гуляет на дворе...
На кухне с мамой...
Сердце просит,
вернуться просит к той поре...

2013

* * *

Я полз по папиной груди,
увенчанной татуировкой,
и он смущённо говорил:
«Всё это глупость, глупость, Вовка...».
Веранда, лето, мне шесть лет,
а папе только тридцать девять,
и лучше папы в мире нет,
и трудно было бы поверить,
что очень скоро он уйдёт,
и прозвучит, как гром: сиротка...
И лист осенний упадёт
у памятника в загородке.

2013

* * *

Голубое небо,
жёлтые поля —
здесь давно я не был,
родина моя.
Просто всё и мило:
лошадь на лугу,
облако проплыло,
птицы на стогу...
Мне покойно ныне,
снова счастлив я...
Помолись о сыне,
мамочка моя!

2013

* * *

Стоит расцелованный солнышком лес:
все клёны в лимонном, берёзы в пурпурном...
Коричневый дуб на вершину залез
и высится гордо — красивый, фактурный...
Ещё не опала с деревьев листва,
И, кисть приготовив, Природа-художник
оранжевый тюбик в мольберте нашла,
и с красным смешала, и кинула в рощу...

2013

Из юности

Наш зимний парк,
наш старый зимний парк...
Веранда вся в снегу...
Пропархивает птица...
Примчались мы сюда,
дыханье — белый пар...
И иней на ветвях,
и иней на ресницах...
Молчание небес,
молчание дерев,
и только шорох шин
машины запоздалой...
И молча мы стоим,
дыханьем обогрев
друг друга, —
два в одном...
А времени так мало...

2013

* * *

Явил вновь холодность апрель:
как англичанин — сух и сдержан...
Уже не радует капель,
ещё и зною не подвержен
мой город... Трепетный пушок
на деревцах возник, зелёный...
Бежит за ворот холодок,
как ручеёк воды студёной...

* * *

Ах, эти запахи весной!
Они даруют обещанье,
что впереди не летний зной,
а тёплых дней очарованье,
и тихих тёплых вечеров,
и у реки свиданья с зорькой,
походных на лугу костров...
Всё это вызвал запах стойкий
куста сирени на пути
к служебным хлопотам. Работа...
И надо в кабинет идти,
и быть с природою охота...

2014

* * *

Нет, не стучит и не бьёт в его сердце
пепел Одессы:
не христианином был, не иноверцем,
попросту — бесом...
Утром встаёт и по улочке южной
мирно шагает,
в белой сорочке — костюм отутюжен,
горя не знает:
завтрак, обед, тихий час, наконец —
сытный ужин,
чей-то сынок, брат, и муж, и отец —
всем-то он нужен...
Всем он доволен — жизнь удалась! —
пляшет и свищет,
не обернётся — что за напасть? —
на пепелище...

2014

* * *

Вадиму Кулиничеву

Сердечный милый друг, тебя давно уж нет,
но помню, как сейчас, блаженную улыбку,
да-да, киваю вслед — ведь нету в том убытку,
что будто верю я: прошёл парад планет...

И он прошёл как раз над городом твоим,
и ауру создал: здесь расцветать талантам!
Что делать было нам, беспечным аспирантам,
другого дела нет, как помечтать двоим...

А нынче я иду по улице твоей,
она, ты знаешь, друг, становится всё краше,
и улыбаюсь я словам тогдашним нашим,
но правы ж были мы с тобою, друг, ей-ей!

Жив город и театр, и новые поэты
нам дарят каждый год прекрасные стихи,
художники кладут точнейшие мазки —
всё так, как ты мечтал, и лишь тебя здесь нету...

2014

* * *

Я родом из детства, я родом из детства —
от этого мне никуда уж не деться...
А мне и не надо, я там поселён,
в том времени милом, когда был рождён,
в том городе старом, на улице бедной,
где люди дышали тем духом победным,
где каждый мужчина носил галифе...
Там папа с роднёю сидит подшофе,
там мама идёт в крепдешиновом платье,
Там счастлив я, к ней попадая в объятия...

2015

Если б не было войны...

Неброские краски уставшей зимы:
нет солнца, туман и позёмка.
Пейзажу под стать едем грустные мы,
друг с другом общаясь негромко.

Въезжает автобус в один городок:
ухабы, проулки, домишки...
Когда б не война, градом стать бы он смог
на зависть другим городишкам.

Но видно, как бьётся из всех своих сил —
так хочется стать современным!
Он станет. И он ничего не забыл —
у Россоши память отменна...

2015

* * *

Наш мир заполнен мелочами,
нередко тщетной суетой,
возможно, глупыми вещами,
но этот мир — и твой, и мой:
светящийся на солнце лист,
смешное теньканье пичуги,
за окнами зовущий свист
и ветреный порыв упругий,
арбузный запах, шорох шин,
молчание седых вершин,
ультрамарин морской волны,
из детства мамины блины,
электровоза звук густой —
останутся ли в жизни той?..

2015

* * *

Успейте человеку позвонить,
особенно когда он сильно болен,
когда в движениях совсем не волен,
но хочется ему поговорить.
Успейте человеку позвонить:
он ждёт звонка, он рядом с телефоном —
жизнь за окном проходит будто фоном,
а он так хочет, очень хочет жить...

2015

* * *

Бегу, бегу, бегу, бегу, бегу
по городским и временным кварталам —
движением и взглядом. Берегу
секунды и минуты, а вокзалы
промахиваю — мокрая спина...
Бежать, успеть! Куда, зачем? Не знаю.
Чтоб охладить стремленье бегуна,
лицо в студёный омут окунаю...

2016

* * *

Робкая зелень, дрожащие тени,
теньканье птиц, голубой небосвод —
ты наступило, любимое время,
и забираешь меня в оборот..
Я просыпаюсь весной очень рано,
чтоб, отворив на веранде окно,
вновь подивиться искусству тумана:
«Как всё в природе изящно, умно...».

2016

* * *

Большие мудрые деревья,
бликует между листьев свет,
пичужек незаметных пенье... —
таков июньских дней портрет.

Покойно, зелено, красиво —
приятен глазу сей пейзаж.
Пусть для кого-то и не диво,
но он — родной, он просто — наш.

Лицо подставлю — лёгкий ветер
его погладит, охладит..
Пером и кистью будь отмечен,
природы русской скромный вид.

2016

Значимая обыденность

Милые, милые мелочи —
то, что обычно, всегда,
вовсе не очумелочи:
чай, из-под крана вода,
шорох листвы за окошком,
запах весенней травы,
вкус вологодской морошки...
Всё вдруг исчезнет? Увы...

2016

Осень

Нарядная, багряная, дождливая, золотая,
промозглая и жёлтая, прозрачная, сухая,
ненастная и юная, туманная, сырая,
студёная, хрустальная и рыжая такая...
Холодная, цветистая, червонная, шикарная
печальная и грустная, чудесная, янтарная,
прекрасная и звонкая, плакучая и терпкая —
назвать тебя как надобно,
какой измерить меркою?..

2016

* * *

Когда суета заедает
и дни убегают грозя,
когда и во сне не летаешь,
и глупостей делать нельзя, —
заставь себя встать рано-рано,
лицо повернуть на восток,
где снова ковёр златотканый
прошьёт вдруг лучистый поток.
И, может, почувствуешь вечность,
и крови услышишь отток...
За солнцем она, бесконечность —
лицо поверни на восток...

2017

* * *

Какое просветленье в небесах,
как обострились наши ощущенья...
Да, это возвращается весна,
и мы — свидетели перемещенья...
И мы приветствуем переворот,
движеньё льдов и перестук капли —
природы обновлённой поворот,
чего так ждали и чего хотели!..

2017

* * *

Туча-свинец над Невой,
в метре не видно ни зги,
ветер-животное воеет —
снежной причина пурги.
...Ночь пролетела, и утром
солнцем блистает река,
не было бури той будто —
так... пошутили слегка...

2017

* * *

Коктебель, Коктебель, Коктебель,
я тебя не забуду теперь —
пусть хоть в мыслях, но знаю, потом
я вернусь в этот старенький дом,
в этот скромный ухоженный сад,
чтоб уснуть под жужжанье цикад...

2017

* * *

Дорога мчится, лес багряный,
сентябрьский погожий день,
мы едем в Ясную Поляну,
прервавши буден дребедень.
Вот знаменитый дом и флигель,
конюшни, кучера изба,
с пригорка перелесок виден —
здесь почва дышит и судьба!
Здесь не зависим от велений
трудился бородатый гений...

2017

* * *

В кинотеатре «Шторм» показывают «Крым»,
зал полон, тишина — лишь шепчется Алушта..
Три года — как вчера, и не рассеян дым,
воспоминанья жгут, и думаешь: «Неужто
здесь мог начаться бой, на брата шёл бы брат,
и пепел жёг сердца, и море б стало красным,
и стрелки всех часов пошли бы вдруг назад,
и всё, что здесь цвело — цвело, увы, напрасно?».
В кинотеатре «Шторм» закончился сеанс,
в молчании народ бредёт к табличке «Выход»,
минули два часа, но будто длится транс..
Кто Землю уберёт? Кто? Это помощь свыше?..

2017

* * *

Гуляет в Воронеже рыжая осень,
умывшись под утро коротким дождём,
любуются люди и небушко просят:
«А может, с ветрами пока подождём?..».
Каштан семилистный узорно-наряден,
и клён, словно в золоте, рядом стоит
среди шумных шоссе и бетонных громадин...
Так трогает их непричёсанный вид!..

2017

* * *

Ноябрь насупился: и хмуры облака,
и тусклы краски, горизонт в тумане.
Светает поздно, снега нет пока,
но веет холодом — природу не обманешь...
Уснула пашня, охраняет лес
её покой до мартовского солнца,
дым от ботвы горячей — до небес...
Таков пейзаж из дачного оконца.

2017

Плюс пять

Акварельное стекло:
скрипнут дворники натужно —
выйдет веер полукружный...
А в кабине-то тепло,
а в кабине дождь не слышен —
он бушует за и выше...
Дождь вернулся к нам опять —
на термометре плюс пять...

2017

* * *

Из окна — привычный вид,
но сегодня он волнует:
это ветер детства дует,
это память говорит...
Кучевые облака
в голубом бескрайнем небе,
в том краю давно я не был —
так дорога далека...
Там высокий небосвод,
там простор, и лес, и поле,
кони в табуне на воле —
жизнь как будто без забот...

2018

* * *

Июньский лес, июньский вечер,
листья зелёной сочный хром —
пейзаж обычен, даже вечен,
и что же мне в пейзаже том?..
Берёзы, ивы и осины,
и свечки стройных тополей —
столь в скромности своей красивы,
что нет их, кажется, милей...

2018

* * *

Боишься телефонного звонка —
так зачастили горестные вести...
Как оказалось, ниточка тонка,
уходим порознь, хоть и жили вместе...

Очередной исчез навеки мир —
он так был прихотливо сшит и скроен,
и я на этот мир был так настроен,
хотя других миров он не затмил...

Как много сил, энергии, любви
вложили все — от детской колыбели.
Любили, жили и так жить хотели,
но всё ж ушли, ушли, ушли, ушли...

2019

* * *

Воскресенье, солнце, тени,
теньканье незримых птиц...
Ах вы, сени, мои сени,
Ах вы, сонм любимых лиц!..
Благовещенье святое:
птица радостно поёт,
как положено в устое,
нынче гнёздышка не вьёт.
Вот оно, очарованье
вечно радостных седмиц
и влюблённых воркованье
голубей и голубиц...

2019

Отцу

Мне у могилы не просить участия.
Чего мне ждать?.. Летит за годом год.
— Отец! — кричу. — Ты не принёс нам счастья!.. —
Мать в ужасе мне закрывает рот.

Юрий Кузнецов

Я тоже мог тогда сказать,
что права нету умирать
у молодых отцов — детишек трое...
Мы горько плакали скорбя:
ведь так любили все тебя,
и разве горе искреннее скроешь?..
Но у могилы и теперь,
когда открыта в вечность дверь,
я не прошу какого-то участия,
и вновь на карточку глядя,
и ран твоих не беря,
шепчу: «Отец, ты всё ж принёс нам счастье!».

2019

* * *

Вновь отрываю лист календаря —
ну как же он стремительно худеет!..
Никто, никто — ни ты, ни он, ни я —
секретом времени обратным не владеет.
...Вот в кресле парикмахерском сижу —
пусть плёнка кинохроники стрекочет:
с задорным чубчиком весёлый выхожу,
а здесь «под ноль» — и улица хохочет...
«Канадка», «ёжик», «бокс» и «полубокс» —
со стилем современным примиренье...
Но не о моде речь (в ней я не ортодокс),
о зеркалах — свидетелях взросленья...

II. *Alma mater*

Первокурсникам

Что в первый раз — то искренне волнует
и в памяти эмоцией живёт.
Не помним первый шаг, но первым поцелуем
осенены — пусть много лет пройдёт...

Что в первый раз? Восход, закат, дорога,
и первый снег, и первый тёплый дождь,
и первый друг, и встреча у порога,
и первая печаль, и первая любовь...

Как чистый лист пугает и тревожит!
Но он же и таинственно манит:
он — чистый, новый, странный, непохожий,
он целомудренно, загадочно молчит...

И мы, конечно же, космически рискуем,
перо судьбы в чернила опустив:
что выведем, напишем, нарисуем,
каким получится у музыки мотив?..

Как многое случается впервые,
как хочется всегда вперёд и ввысь!
Мы все похожи, но мы все иные...
Начнём, рискнём, а там — рассудит жизнь...

2004

Кануны

Когда-нибудь, на склоне ваших лет,
вы это время непременно вспомните
и с острой ясностью поймёте вдруг, что нет
светлей страницы в жизни-многотомнике...
Вас запах юности встревожит, и тогда,
возможно, в поезд сядете и снова,
оставив за спиною города,
помчитесь в Северный, на Хользунова...
И будет мысль пульсировать: «Нельзя,
нельзя сегодня опоздать к уроку...
Постой, будильник! Слышите, друзья:
бегу, лечу, успеть хочу до срока!».
И будет сердце радостно стучать:
какими были и какими стали!
И будете с печалью узнавать,
кого в пути навеки потеряли...
Но это в будущем (замри покуда, грусть) —
вы все сегодня так бесстрашно юны.
Жизнь перед вами! Собирайтесь в путь!
Всё впереди! А за окном — кануны...

2005

Alma mater

Alma mater, alma mater —
мать-кормилица,
Alma mater, alma mater —
круг твой ширится:
дети буйные твои —
судьбы разные...
Ученичества бои
не напрасные.
Alma mater, alma mater —
сердце юное,
Alma mater, alma mater —
время бурное.
Разлетитесь кто куда,
потеряетесь,
но отныне и всегда
проверяетесь:
Alma mater позовёт
как из вечности,
и как прежде призовет
к человечности.
«Дело — жизнь, а жизнь — дела» —
это правило,
Alma mater вас вела
и направила.
Впереди нелёгкий труд,
вёрсты пыльные,
правый и неправый суд —
будьте сильными!..

2006

День знаний

Этот праздник точно наш, этот праздник общий,
за науку всё отдашь — и никто не ропщет.
От велика до мала — взяли ручки в руки!
Пусть учёба тяжела — не беги науки!

Будет сладкой кабала, коль стремиться к цели.
Не освоишь ремесла — и сиди на мели...
Лучше скажем — на мели (грамотно и точно!).
Вас экзамены свели, чтоб учиться очно.

Пусть же нынешний сентябрь будет вечно с вами,
знаний пусть плывёт корабль, и выпускниками
станете. Ученье — свет! Было б пониманье,
что на свете лучше нет Дня различных знаний!

2007

Выпускникам

Вот и прошли ваши годы студенчества,
да, упорхнули, как птички, они...
Но навсегда с альма-матер повенчаны —
вы помянёте не раз эти дни.
Вспомните вахту и милые дворики,
и в 130-й сладчайшие сны,
и обязательно шаг свой ускорите
вновь в ожидании новой весны.
Новая осень и новая сессия,
новый экзамен и новый зачёт
встречены будут достойно и весело —
верим: придут к вам признание, почёт.
Сделав карьеру, не больно-то важничайте
и не гнушайтесь писать и звонить,
вырастут дети и внуки — захаживайте:
будет нам с вами о чём говорить...
В общем, летите вперёд, наши голуби!
Чистого неба и мирной земли!
И берегите журфака честь смолоду —
недруги чтоб попрекнуть не смогли.

2018

* * *

Журфак приветствует тебя,
младая поросль!
Тебя ждут новые друзья,
другая скорость!
Ты школе не забудь отдать
свои поклоны —
у ВГУ ж другая статья,
свои законы.
Здесь ценят силищу ума —
умей стараться:
перелопатить книг тома
придётся, братцы.

III. *Вредные советы*

декана

(1997–2019)

...СТУДЕНТАМ

* * *

Если экзамен с шестого захода
ты завалила и ждёшь отчисления,
Всё ж обрати поскорее вниманье
на неженатого, вредного препа —
сделай сейчас же ему предложенье!
И не беда, что он — дедушка старый,
преп он живучий — протянет лет пять.

* * *

Не ропщите, что «стипуха»
слишком маленьких размеров —
«стёпку» можно экономно
с пользой реализовать:
закупите на все деньги
мешок сахара на рынке,
и тогда, конечно, сразу
станет сладкой ваша жизнь!..

* * *

В первый день своей учебы
приходи с фотоаппаратом,
с ним пройдишь по факультету
и сними на фотоплёнку
ассистентов и доцентов
и профессоров впридачу
(запиши их пофамильно)
и забудь сюда дорогу
вплоть до сессии, до зимней.
Только не забудь название
альма-матер и отдельно
адрес полный факультета
с телефоном запиши!

* * *

Если ты — студент журфака —
опоздаешь вдруг на пару,
и тебя на эту пару
может Кройчик не пустить,
нужно несколько отмазок
(по науке — аргументов:
чтоб в натуре всё реально
было) препу предложить.
Например, сказать, что Левый
(всем известный Левый берег)
утонул, как Атлантида, —
не найти его теперь...
Что мосты ушли под воду,
что один лишь ты и спасся,
и зачем на этом свете
жить, учиться-то зачем?!.
И увидишь ты, как Кройчик,
весь в слезах печальный Кройчик,
подойдёт к тебе и тихо,
скажет тихо: «Хватит врать!
Лучше сядь на дальней парте
и внимательно послушай:
я — профессор, и я лучше
тебе сказку расскажу...».

* * *

Если ты — студент журфака,
никогда не соглашайся
проходить флюорографию:
нам здоровье ни к чему!
Не глотай, студент, таблеток,
порошков не ешь — не надо:
пусть болят живот и зубы,
горло, уши, голова...
Лучше приходи больным ты,
перезарази журфак весь,
чтобы сессия реально
никогда не началась!
Чтобы не было зачётов
(нам экзаменов не надо!),
никаких дипломов чтобы —
станем массово болеть!
И тогда нам скажут люди:
«Браво, милые! Спасибо,
что не будет больше прессы —
без неё мы станем лучше и,
конечно, крепче спать!..».

* * *

Практикант наш на журфаке
должен помнить, что его
вмиг на практику отправят,
да — отправят, если только
назовёт он нужный адрес...
Надо действовать умнее!
Говорите: «Я направлен
в город дальний Сан-Франциско.
Можно деньги получить?».
Практикант наш на журфаке,
если он не дурачок,
не упустит верный случай
в разных странах побывать.

* * *

Если ты — студент журфака —
написать решил заметку,
то подумать должен сразу
что и как в ней поругать.
Поругай журфак сначала,
универ, конечно, следом,
губернатора впридачу,
мэра, транспорт, МВД...
Жди потом, что в Абиреге
в блоге кое-что напишут,
и зачёт, конечно, быстро
кто-то выставит тебе...

* * *

Если вдруг тебе в Домжуре
встретится один чиновник
в светло-голубой жилетке,
то остановись мгновенно,
поклонись ему в пояс
и скажи, что за свободу
благодарен ты ему!

* * *

Если ты по коридору
мчишься, чтоб успеть на пару,
а навстречу Дробышевский
стопы правит в деканат,
не сворачивай, не надо,
а не то упрёшься в стенку.
Тормози-ка лучше в препа —
Палыч мягкий. Он простит.

* * *

Если к вам на переменке
вдруг подружка подбежала,
в ухо бойко затрещала:
«звóнит», «шóфер» и «свеклá»,
вы немедленно подбоченьтесь
и в ответ ей затрещите:
«дóговор» и «путепрóвод»,
«áлкогoль», «катáлог», «эксперт»!..
Если же она продолжит
упражняться в новоязе,
можете прибить подружку —
оправдает всякий суд.

* * *

Если ты совсем девчужка,
а так хочется быть взрослой
(очень хочется быть взрослой,
сильно хочется — хоть плачь!..),
попроси ребят постарше,
чтоб купили сигареты,
ящик пива и конфеты
(да, конфеты, — ты их любишь...),
сядь у входа в главный корпус,
и взятяжку закури.
И, открыв бутылку пива,
встав в позицию горниста,
пей, чтоб все зауважали,
чтобы люди поголовно
восхитились бы тобой.
Все, конечно, будут рады,
крайне рады этой сцене,
все, уверен, восхитятся,
первым — ректор (сто пудов!).
Он, возможно, прослезится,
подойдёт и тихо скажет:
«Ах, какая молодчина, —
нам таких бы здесь побольше!».
Славься же, эмансипейшн,
крепни, имидж ВГУ!

* * *

Если ты не любишь шпоры
(для несведущих — шпаргалки),
если ты их не готовишь, —
кто ты, если же не лох...
Знай: искусство делать шпоры
у студентов развивает
навык, знание и умение
кого хочешь обмануть.
Если делать их вручную,
то искусством каллиграфа
неприменно овладеешь
(а начальник должен подпись
с завитушками, крутую
и красивую иметь!).
Если делать на компе их,
то продвинешься как хакер
а ведь хакер — тоже круто
(хакер — это очень круто,
правда, только на свободе...).
Шпоры надо умно спрятать
и лицом играть к тому же,
то есть ты почти разведчик,
то есть ты почти артист!
Вот бы шпоры на работе,
да, на будущей работе,
на серьёзнейшей работе,
можно было применять.
Хорошо бы, да начальник...
Вряд ли он поставит «пять».

* * *

Если вредный, очень вредный,
самый-самый вредный препод
вам зачёт опять не ставит,
то признайтесь, что не просто
пропускаете вы пары,
а ночами (да, ночами!)
у постели вы сидите
бедной бабушки-старушки,
что болеет (да, болеет!)
весь семестр, и читать вам
просто некогда, поскольку
эта хворая старушка
вашей требует заботы
ежечасно, еженощно.
А теперь что, за гуманность
незачётom вам платить?!.

* * *

Если ты, спеша на пару,
вдруг увидел, как ваш препод,
старый препод поскользнулся,
и упал, и распластался,
в корпус вход загорюдив,
подойди к нему немедленно,
улыбнись и громко-громко
(он же, старый, плохо слышит)
отчекань: «Иван Иванович,
с добрым утром!» — и тогда уж,
дань отдавши уваженья,
мимо вахты в раздевалку
ты с друзьями удались.

* * *

Если ты на остановке
долго ожидаешь транспорт
и толпа из пассажиров
на глазах твоих растёт,
растолкай скорее бабок,
чтобы быть у двери первым,
чтобы в кресло у окошка
сесть быстрее и в ус не дуть.
И пускай дедуля старый
над тобой кряхтит натужно,
он привыкший — пионером
так в автобусе стоял.

* * *

Если ты один в квартире
(предки убралась на дачу!) —
заводи скорее магник
и на максимум включи!
Пусть весь двор тебя услышит,
пусть проснётся и младенец,
пусть гремит меж этажами
современнейший музон!
И открой ещё все окна,
распахни дверь на балконе —
пусть весь Северный узнает,
что в трёхкомнатной квартире
и на целом белом свете
ты как будто бы — один!

* * *

Если кто желает в тренде,
в самом-самом модном тренде
быть сегодня, то тогда
следует пойти на рынок,
там купить, допустим, джинсы,
очень дорогие джинсы,
и собаке их отдать.
Пусть собака их кусает,
рвёт и всячески валяет
джинсы новые в пыли.
Вы затем их отберете
(если сможете отнять)
и наденьте и пойдите
в них... Всё можно показать
в столь дырявых,
бывших новых,
а теперь как будто старых,
очень старых новых джинсах!
С ветром классно щеголять!

* * *

Если выбрать вам сказали
эффективный студсовет,
вы ж решили, чтобы главной
стала лучшая подружка,
то придётся постараться
и найти на факультете
самых громких и крикливых
делегатов, чтоб они
дружно вместе завизжали,
зашумели, словно клака,
в тот момент, когда начнут все
кандидатов обсуждать.
Только не перестарайтесь,
потому что в шуме-гаме
могут имя не услышать
вашей доброй подружки,
могут и других фамилий
не услышать, и тогда
всем конечно же придётся
вновь на выборы собраться,
а к тем выборам ведь можно
голос вовсе потерять...

* * *

Если вы в автобус сели
с рюкзаком, который сзади,
не стесняйтесь, по проходу
прямо бодро проходя.
Да, заденете старушку,
да, зажмёте в угол деда,
но ведь есть в запасе слово:
«Коль не нравится — такси
вызывайте, дедка с бабкой...».
А на разные упрёки
ничего не отвечайте:
ведь наушники от *Apple*
не пропустят ихний зуд.

...КОЛЛЕГАМ

* * *

Ты Бебчук старайся реже
попадаться на глаза —
никогда не знаешь, что ей
завтра в голову придёт:
ООП верстать заставит,
ФГОС новейший проверять....
Может вдруг подкрасться сзади
и включить в методсовет.
Или выскочит из двери
и отправит руки мыть...
Нет уж, лучше с этой дамой
не встречаться никогда.

* * *

Если вдруг начальник утром
к вам нагрянет для проверки
или просто так — проведать
вдруг на кафедру зайдёт,
вы навстречу не вставайте,
отвлекаясь от беседы
со студентом ли, с коллегой
(можно даже что-то буркнуть,
отвернуться), и тогда
вас никто, никто (поверьте!)
в подхалимы не запишет —
лучше (нынче это модно)
хамом грянувшим прослыть!

...ДЕКАНУ

* * *

Если хилые студенты
вдруг внезапно заболели
дифтеритом и бронхитом,
холериной и ангиной
и стригущим лишаем,
в календарь настольный можешь
не заглядывать, декан, —
это значит очень скоро,
скоро сессия нагрянет!
Эпидемия проходит
только с сессии концом.

* * *

Если к вам пришел пожарник
с топором и в медной каске
и ругает за студентов,
что курили в коридоре,
в раздевалке, холле, классах
и в подвале с чердаком;
если он на вас наложит
штраф рублей на тридцать-сорок,
протокол крутой напишет
и при этом нагрубит —
не расстраивайтесь сразу,
не глотайте валерьянку,
покурите в коридоре —
сразу легче станет вам!

* * *

Если вас проклянут как гада
в интернете, в соцсетях,
не вступайте в перепалку,
а спокойненько в блокнотик
запишите пофамильно
всех неистовых друзей.
Ведь без них вам было б худо,
ведь без них бы вы не знали,
что такое ложь и подлость —
лишь теперь, профессор, можно
вас учёным называть.

IV. Подеркушки

* * *

Смысл жизни — в её продолжение,
пусть и короток выданный срок.
Умножение... Сложение... Деление...
Вычитание... Такой вот урок.

* * *

Кто наши дети, кто отцы?
Друг перед другом всегда истцы?
Вопрос извечный: кто виноват?
Всегда по кругу — вперёд-назад...

* * *

Кто мы? Какие мы? Кто знает?
Себя узнаем или нет?
А может, нами кто играет
иль мы играем? Где ответ?..

* * *

Прошлое боготворим,
ждём с опаской день грядущий,
презираем, что творим,
добывая хлеб насущный...

* * *

Все обязательно уйдём,
и это каждый знает.
Не знаем — как, когда и где,
и это всех сближает.

* * *

Мне жаль до слёз, когда уходит жизнь:
ведь человек — отдельная планета.
Его душа от нас уходит ввысь
иль странствует меж нами неодолимой?

* * *

В поступках есть закономерность,
в поступках, вверенных судьбе, —
природа сохраняет верность
закону. Стало быть — себе...

* * *

Когда болезнь терзает тело
(и днем и ночью маета),
вползает мысль в тебя несмело,
что жизнь, по сути, суета...

* * *

А жизнь права: она всё расставляет
так, что жалеть не стоит... Никогда.
Но пусть мечта по-прежнему витает,
зовёт, летает... Пусть мечта не тает,
а оживляет чувства иногда.

* * *

К венцу доверия и веры,
к поступку воли и любви,
к ответственности строгой меры —
к венчанию созрели вы?..

* * *

Время — это тоже родина, поколение моё.
Значит, времени угоден я, если жизнь оно даёт.
Было, стало, будет нашенским,
с пораженьями и без.
Ничего не приукрашиваем, —
значит, был таков замес...

* * *

Не дай вам Бог уменья ненавидеть,
не дай вам Бог...
А дай вам Бог к прощенью путь увидеть,
о, дай вам Бог!
Наука ненависти не наука — источник зла.
Лишь милосердие — порука, а не хула.

* * *

И где ж наш путь? Всё спорим и дерёмся...
И кажется: безмолвствует народ.
Лишь кажется... Вот сил он наберётся
и слово скажет. Скажет он. Вот-вот...

* * *

В России два народа —
как в гербе два орла.
Два, в общем, антипода —
такие вот дела...

* * *

Апрельский солнечный денёк —
и грусть как будто бы уходит,
и на душе светлее, вроде...
А грусть отправилась в тенёк...

* * *

Небо — цвета берлинской лазури,
солнце бликует на стеклах окон...
Руки раскинув, глаза зажмурив,
шепотом славлю природы закон...

* * *

Голубое, зелёное, белое —
краски мая... Весь город в цвету,
и одежды у девушек смелые —
прикрывают лишь чуть наготу...

* * *

Пришло всеобщее тепло —
салют протуберанцам солнца!
И на душе светлым-светло,
и полон радостью до донца!..

* * *

Такая чудная луна —
как у Куинджи на картине,
при ней грешно купаться в сплине —
луна гармонии полна...

* * *

Тихий август, пахнет дымом
от вечернего костра,
пахнет домиком родимым,
где шумела детвора.

* * *

И — новая осень, и — новый рубеж,
и — самые новые планы.
Есть силы, но времени, времени где ж
найти?.. Время бьёт в барабаны!

* * *

Осень — мокрая акварель:
фоном белым туман,
чёрных букв нонпарель —
грустных птиц караван...

* * *

Туманные утра, туманные дни —
и нежно, и грустно, и зыбко...
А то, что нечасто бывают они,
Так это отнюдь не ошибка...

* * *

Чувство меры — чувство вкуса,
Настоящего искусства,
Без него источник зла —
даже добрые дела...

* * *

В юности весёлая капель
разгоняла кровь в упругих жилах.
Возвращает старческие силы
капельница нам, увы, теперь...

* * *

Ортопедический матрас,
ему подобная подушка,
ах, как я поздно встретил вас —
скелета друга и подружку...

* * *

Будь ты порядочного роста —
стать фотомастером непросто!
Но мастер фото Юрий Рост
совсем не прост, совсем не прост...

* * *

К жизни этой философски
и психологически
отнесёшься — и счастливым
станешь ты практически...

* * *

Да, запыхалась я, конечно,
но догнала! И говорю!
«Мне! Безразличны! Бесконечно!
Вы! Вы! Два раза повторю!».

* * *

Глупость, подлость, хамский тон
поместив в один флакон,
станешь, ждущая утех,
притчей на устах у всех.

* * *

Я — Лошадь,
уставшая Лошадь,
точнее, я — Конь.
Конь — трудяга хороший,
но нынче усталый,
но нынче взъерошен,
как будто на части
коняга раскрошен...

* * *

Я довольный замычал,
даже радостно замекал:
ведь назвали молодым
и к тому же — человеком!..

ПРОСТЫЕ ЗАПАХИ И ЗВУКИ

Владимир Тулупов родом из семидесятых. Если о «шестидесятниках» мы знаем многое, то о «семидесятниках» — очень мало. За редким исключением тихие они, скромные. Потому ли, что во времена брежневского «тихого омута», пришедшегося на их молодость, не было особых возможностей витьствовать? Да и было ли что-то особенное в те годы, что объединило бы это поколение. Вера в то, что вслед за построенным уже «развитым социализмом» вот-вот и коммунизм будет «сработан»? Это, как говорится, вряд ли. Яростный пар их молодости уходил в стройотряды, в КВНы, в капустники и театральные постановки. В стихи. Стихи в семидесятые тоже были другими, казалось бы, тихими, приватными. Но какие страсти кипели внутри поэтических душ, изредка, впрочем, вырываясь наружу? С кем ассоциируется у нас поэзия этого десятилетия? Пожалуй, с Рубцовым, с Прасоловым.

Хотя Николай Рубцов начинал в шестидесятые, а в 1971 году произошла известная трагедия.

Алексей Прасолов, начав писать ещё в конце сороковых, свою первую книжку выпустил в 1966 году, а известность приобрёл уже после смерти, также

трагической, в семидесятые. Но именно в семидесятые об этих русских лириках заговорили в полный голос. Может быть, потому что многие устали от поэтического пафоса шестидесятых, не оправдавшегося в реальной жизни.

Владимир Тулупов начал писать в семидесятые, а первые книжицы стихов выпустил в конце девяностых. Но многие сегодняшние стихи воронежского профессора кажутся очень близкими и тому времени, и тому духу, а местами и мотивами — и творчеству названных выдающихся русских поэтов.

В своих стихотворениях Владимир Тулупов как бы уходит в себя, в рефлексию, с виду бытовую, но интеллигентско-кухонную, ту, которая через весьма известное духу советских людей пространство ведёт в рефлексию бытийную, сущностную. Поэзия Тулупова — приватная поэзия — без громов и молний, без гордыни — поэзия, истоки которой в послевоенной поволжской деревне, с небогатым, но и не с голодно-горемычным житьём-бытьём:

Небогатое наше детство —
чёрно-белое наше кино...
Тех, с кем жили мы по соседству,
разметало по свету давно.

Пожилые, молодые,
неродные и родные —
на Земле и в небесах
превратившиеся в прах.

И беспечная юность, и молодость,
те счастливые тёмные ночи —
когда в холод совсем не холодно
и не голодно, между прочим.

Нет, пожалуй, здесь у автора неродных, здесь всё родное, домашнее: луга, любимые лошадки, ночное, сеновал под звёздным небом, лысая гора, родник, летние дожди, молоко в холодной кринке, хлеб и яйца из печи, и мысли, записанные в школьных тетрадках рано умершим отцом...

В своих стихах Тулупов, кажется, ненавязчиво, но твёрдо противостоит тем стандартным шлягерно-плаксивым излияниям, которые сегодня оправдывают, увы, уже сформировавшиеся отношения в некогда больших русских семьях разных поколений. Речь идёт о всех этих: «Вы простите меня, мои старики, что я редко к вам приезжал и редко о вас заботился. Всё суета, всё дела...». Обычно все эти причитания и всхлипы происходят тогда, когда «дорогих стариков» уже нет на этой Земле и уже ничего не исправить. А кто вам мешает, деловые мои, нежно любить своих родных, заботиться о них, когда они живы? Суетная жизнь? Пресловутые дела? Эти ответы не подходят и никого не оправдывают — по этим-то по сути простым, но не очень простым для исполнения в жизни будничной законам и пытается жить лирический герой Тулупова. Хотя и он бывает разным — то тонким и чувствительным:

Поздний снег —
февральский,
липкий —
в сумерках пуржит,
пуржит...
Как от звука
грустной скрипки,
мою голову кружит...

Будто грусть
с небес слетает,
сердце шепчет:
по... го... ди...
Но снежок последний тает,
улетает,
исчезает...
Что же всех нас
ожидает,
что случится
впереди?..

то едим и иронично-саркастичным:

Для России очередь, как для немца пиво:
мы родились в очередь, строим в школу шли,
«Ах, дойдёт ли очередь, чтоб пожить красиво?» —
гарнитуры-стеночки до небес росли...
Очередь за хлебушком в «кукурузном времени»,
очередь за импортом, так сказать, «в застой»,
и машины в очередь, и квартиры бременем
неподъёмным кажутся: ведь не холостой...

Что же определяет эту единственно достойную
для человека жизнь?

Есть только два состояния, две вещи, её оправ-
дывающие: любовь и творчество. И ничего более.
Любовь к близким, любовь к огромной, печальной,
полусонной России, состоящей из жизни людей, их
страданий и надежд...

Люди, книги, фильмы, песни —
паутина нашей жизни...
Жили-были врозь и вместе
на крестинах и на тризне,

на страницах, на экране,
в самолёте и в трамвае —
на одном меридиане
и в совпавшем интервале.
Промелькнули, отразились,
сохранились в отпечатках,
улетели, приземлились
и смешались в беспорядке.
Только изредка напомним
словом, запахом и нотой,
фотокарточкой альбомной
кто-то близкий, близкий кто-то...

Творчество — то, что возвращает человеку «тонкокожесть» детства и юности. Оно, по сути, дарует человеку вторую юность! «Впал в детство» — очевидно, эта фраза — всего лишь защитная реакция рационалистов, не постигших ещё глубины «простых запахов и звуков», но каким-то образом догадывающихся о том, что они чего-то *недополучают*. Но мы вместе с добрым лирическим героем Тулупова простим их и поможем посмотреть вдаль, где:

Стоит расцелованный солнышком лес:
все клёны в лимонном, берёзы в пурпурном...
Коричневый дуб на вершину залез
и высится гордо — красивый, фактурный...
Ещё не опала с деревьев листва,
и, кисть приготовив, Природа-художник
оранжевый тюбик в мольберте нашла,
и с красным смешала, и кинула в рощу...

Увы, «семидесятник» Владимир Тулупов и сегодня, в начале XXI века актуален и современен. Вы только вчитайтесь:

В центре города Воронежа,
рядом с площадью вождя
временем треклятым нонешним
и под струями дождя
мужичок сидит на ящичке —
капошон, в руках баян,
из под плащика рубашечка,
выбрит и совсем не пьян...

или:

Стало много на проспектах храмов,
Мало храмов строится в душе.

Поэзия, оказывается, к тому же вещь чрезвычайно публицистическая.

*Андрей Золотухин,
доцент кафедры журналистики
и литературы ВГУ*

Содержание

Неброская полнота мира

(Дмитрий Чугунов)..... 5

I. Из лирического дневника 9

«Годы летят, промелькнуло столетье...» 11

«Осенняя гроза бывает редко...» 12

«Весна проходит мимо нас...» 13

«Как хорошо спокойно жить...» 14

«Тихо мимо городка...» 15

«Слышишь: ангел летит!..» 16

«Увы, всё больше грустных дней...» 17

«Кучугуры, Кучугуры...»..... 18

«Соберу нехитрую поклажу...» 19

«Небогатое наше детство...»..... 20

«Минуты затишья — покой иль тревога?...»..... 21

«Что же в жизни нашей происходит...» 22

«Сорок лет, сорок лет...» 23

«Простые истины и вещи...» 24

«Твоя поэзия, все говорят, грустна...» 25

«Одиноко страшно, страшно одиноко...» 26

«Уходит человек, и часть любви уходит...»..... 27

«Для России очередь, как для немца пиво...» 28

«На века, навсегда виновата Россия...» 29

«Вот слово “был” — глагол совсем обычный...»..... 30

«В бетонно-каменных темницах...» 31

«Чем выше, тем меньше деталей...» 32

Шестидесятые..... 34

Из детства..... 35

Новая эпоха?..... 36

В начале девяностых..... 37

Я вернулся в свой город..... 38

У книжного шкафа 39

«Человек не флейта, он сложнее...» 40

«Мы вышли из воды, мы, в общем, водяные...» 41

«“Атмосферные явления” — что за скучное название?!..» 42

«В марте поздняя зима — разведённая жена...» 43

Весна на Неве 44

«Уходит женщина в туман и в ночь уходит...» 45

«Тихо, тише, ещё тише...» 46

«Шербурские зонтики» 47

«Обходите всех недобрых, обходите...»..... 49

«Смутная тревога...»..... 50

На веранде..... 51

Вспоминая Высоцкого 52

Старый дом..... 53

«Люди, книги, фильмы, песни...»..... 54

Шукшин и Высоцкий 55

«Куст сирени уже не расцветен...» 56

«В квартире выше бьют часы...» 57

«В небогатом доме телевизор “Спутник”...»..... 58

«Тоскуют русские без снега...»..... 59

Маме 60

«О чём молчал мой старый дед...»..... 61

«Мне десять лет, недавно умер папа...»..... 62

«Друзья ушли. Другие не пришли...» 63

«...но вот стихи...» 64

«Как память избирательна: увы...» 65

«Такая тихая зима...» 66

«Голова, опущенная долу...» 67

«Пейзаж, который с детских лет...» 68

«За монитором целый мир...» 69

«Когда зима нас утомит...» 70

«Четыре времени у нас...» 71

«По просохшим тропинкам памяти...»..... 72

«Бежим, торопимся — вспотели...»	73
«...А что же счастье? Где оно?..»	74
«Этот вечер в Уфе...»	75
«Наверно, в воздухе витало...»	76
«Почти забыли человека...»	77
Зальцбург и Моцарт	78
«Воронеж. Осень. Будний день...»	79
«Как же ты, осень, красива...»	80
«Наверно, недаром зовут бабьим летом...»	81
«Свобода — привилегия немногих...»	82
«Ненадёжность вражды...»	83
Пусть говорят?	84
Другу	85
«Весенний дождь, весенний шум...»	86
«Бывали хуже времена?..»	87
«Шумят, орут, вопят, кричат...»	88
«Поздний снег...»	89
«Эту тему никогда не трогал...»	90
«Белеют лодки Балаклавы...»	91
«...Зайти в парную после душа...»	92
Зарисовка	93
Ветерок	94
Медаль	95
«Наследник всех моих богатств!..»	96
«...И вижу я вечерний сад...»	97
Грачи прилетят	98
«Я люблю тебя, жизнь!..»	99
«Мы квасим с мамой капусту...»	100
«Я полз по папиной груди...»	101
«Голубое небо...»	102
«Стоит расцелованный солнышком лес...»	103
Из юности	104
«Явил вновь холодность апрель...»	105

«Ах, эти запахи весной!..»	106
«Нет, не стучит и не бьёт в его сердце...»	107
«Сердечный милый друг, тебя давно уж нет...»	108
«Я родом из детства, я родом из детства...»	109
Если б не было войны	110
«Наш мир заполнен мелочами...»	111
«Успейте человеку позвонить...»	112
«Бегу, бегу, бегу, бегу, бегу...»	113
«Робкая зелень, дрожащие тени...»	114
«Большие мудрые деревья...»	115
Значимая обыденность	116
Осень	117
«Когда суета заедает...»	118
«Какое просветление в небесах...»	119
«Туча-свинец над Невою...»	120
«Коктебель, Коктебель, Коктебель...»	121
«Дорога мчится, лес багряный...»	122
«В кинотеатре “Шторм” показывают “Крым”...»	123
«Гуляет в Воронеже рыжая осень...»	124
«Ноябрь надулся: и хмуры облака...»	125
Плюс пять	126
«Из окна — привычный вид...»	127
«Июньский лес, июньский вечер...»	128
«Боишься телефонного звонка...»	129
«Воскресенье, солнце, тени...»	130
Отцу	131
«Вновь отрываю лист календаря...»	132

II. Alma mater	133
Первокурсникам	135
Кануны	136
Alma mater	137
День знаний	138

Выпускникам.....	139
«Журфак приветствует тебя...».....	140
III. Вредные советы декана (1997—2019)	141
...СТУДЕНТАМ.....	143
...КОЛЛЕГАМ	156
...ДЕКАНУ.....	157
IV. Почеркушки.....	159
Простые запахи и звуки	
<i>(Андрей Золотухин)</i>	168

ВГУ ПОЭТИЧЕСКИЙ

Литературно - художественное издание

Тулупов Владимир Васильевич

ТАЙНЫЙ САД

Сборник стихотворений

Редактор *В. В. Сафонова*

Художественный редактор *Е. Е. Комарова*

Компьютерная верстка *К. П. Пенского*

Подписано в печать 15.01.2020. Формат 70×100/32.
Уч.-изд. л. 5,3. Усл. п. л. 7,3. Тираж 200 экз. Заказ 604

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3